

**О ХИТРОВО С. С. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
О ХИТРОВО А. К. — ПЕШКОВОЙ Е. П.**

ХИТРОВО Вера Кирилловна, родилась в 1881. Получила среднее образование. Вышла замуж за Сергея Павловича Хитрово, потомственного дворянина, в семье — сын Сергей¹, в 1930-м — вдова. Проживала с сыном в Ленинграде, занималась домашним хозяйством.

ХИТРОВО Сергей Сергеевич, родился в 1913 (отец Хитрово Сергей Павлович, потомственный дворянин; мать Хитрово Вера Кирилловна)². Окончил школу в Ленинграде, работал техником на заводе. В 1932 — командирован в Восточную Сибирь, работал техником-гидрологом на Северном Енисее и Ангаре, в середине 1933 — на Верхней Волге и Западной Двине. Летом 1935 — вернулся в Ленинград, поступил в Институт инженеров водного транспорта. 29 апреля 1936 — арестован по групповому делу и заключен в тюрьму.

В августе 1936 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью Вера Кирилловна Хитрово.

<21 августа 1936>

«Председателю Общества по оказанию
помощи политическим заключенным
Екатерине Павловне Пешковой

Москва, Кузнецкий Мост, д<ом> № 24.

Хитрово Веры Кирилловны,
прожив<ающая>: Ленинград 22,
Кировский пр<оспект> д<ом> № 45, кв. 8

Екатерина Павловна, мне сказали, что Вы человек большого и отзывчивого сердца и что для каждого обращающегося к Вам Вы находите и ободряющее слово и, насколько можно, оказываете помощь. Я тоже решила беспокоить Вас просьбой разобраться в моем горе. Дело обстоит так: 29 апреля в Камкате, в которой я живу с сыном, сотрудниками НКВД был произведен обыск, при котором ничего компрометирующего у нас не было найдено, но сын мой, Сергей Сергеевич Хитрово, 22 лет, студент Института Инженеров Водного транспорта, был арестован. По наведению мной справок у Особоуполномоченного НКВД я узнала, что сын мой препровожден в ДПЗ на Нижегородской ул<ице>, № 39, и ему предъявлено обвинение по ст<атье> 58 п<ункты> 10 и 11. Обвинение это как громом поразило меня, настолько оно не вяжется ни с жизнью, ни с убеждениями, ни с поведением моего сына. Он с раннего детства воспитывался в преданности и любви к Советской власти. С 7-8-летнего возраста я ему объясняла, что такое Революция, почему она произошла, и какое неизмеримое благо принесла она всем трудящимся. Он крепко уяснил себе и осознал все величие нашей революции, ее колоссальное мировое значение и ее влияние на воспитание нового человека — гражданина Социалистического мира и прямо, честно, ясно глядя вперед, шел по своей жизненной дороге. В 1930 г<оду> по окончании школы поступил на завод им<ени> Макса Гельца и там вступил в ряды ВЛКСМ. К каждой поручаемой ему работе относился вдумчиво, серьезно и работал ударником и был премирован. Конечно, все его мысли были направлены

¹ Алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917 год. Петербургский генеалогический портал, 2005. Издательство ВИРД, 2005.

² Алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917 год. Петербургский генеалогический портал, 2005. Издательство ВИРД, 2005.

на учебу и, чтобы получить право поступить в ВУЗ, он не отказывался ни от какой работы. Так в 1932 г<оду> от Государственного Треста “Гидроэлектропроект” он был командирован в Военгид-Сибирь на Северный Енисей и Ангару техником Гидрологии для изучения режима этих рек в связи с предстоящей постройкой Ангарской Гидростанции. Работа протекала в очень суровых условиях зимой, в 50° морозы без специальной зимней одежды, без налаженного питания (за все эти упущения нач<альник> района понес наказание — 3 года принуд<ительных> работ) работали наши ребята, но задания были выполнены, и еще сын мой находил время помогать колхозникам налаживать отчетность и вел разъяснительную работу в коллективном хозяйстве. После 1½ летнего отсутствия вернулся в Ленинград. Местный Комитет за его ударную работу командировал его за свой счет на курсы по подготовке в ВУЗ’ы и ВТУЗ’ы без отрыва от производства. Шел первым учеником, но в середине учебного года Управляющий Трестом “Гидроэлектропроект” снял его с учебы и командировал в район Верхней Волги и Западной Двины, как специалиста по “зимнему режиму рек” на промерные работы, необходимые в связи с Волжским строительством, и которые закончились только в июле месяце. Работа получила лучшие отзывы начальства и осенью 1934 г<ода>, потеряв целый учебный год, он поступает снова на курсы по подготовке в ВУЗ’ы и ВТУЗ’ы, организованные Индустриальным Институтом, работая в то же время техником-гидрологом в Государств<енном> Гидрологическом Институте и неся еще нагрузку по комсомольской линии.

Осенью 1935 г<ода> был принят в Институт Инженеров Водного Транспорта, выдержав экзамены на “отлично”. Был назначен старостой своего курса. Как Ворошиловский стрелок и ранее ведший военную работу — старостой стрелкового кружка. Учился на “отлично” и кроме того увлекался спортом, летом гребным плаванием, бегом, легкой атлетикой, зимой еще лыжами. Жизнь его была насыщена всеми этими занятиями, и он был бесконечно счастлив, что мечта его сбылась, и он учится.

Среди его товарищей по спорту и учебе был студент Горного Института — Вацлав Хавловский, с кот<орым> сын мой учился вместе в школе, но которого я увидела впервые в 1933 г<оду> после возвращения моего сына из Сибири. На мой вопрос сыну, почему он к нам зашел, тот ответил, что это единственный из товарищей, аккуратно писавший ему в далекую Сибирь во время его полугодового отсутствия, а кроме этого он прекрасный спортсмен по всем видам спорта и с этой стороны представляет для него интерес. Виделись они редко, т<ак> к<ак> занятия в Институте моего сына были по вечерам, у Хавловского в Горном — по утрам. При встречах все их разговоры были всегда о занятиях и спорте.

В конце марта месяца моему сыну по телефону позвонил товарищ Хавловского — монтер, работающий в Электротоке, — Юрий Владимиров и предложил ему работу — пробивать отверстия в толстых стенах Морского Военного Госпиталя, где он взял подряд по проводке радио. Работа моему сыну предстояла тяжелая, а потому за 5 выходных дней работы, от 8 ч<асов> утра до 12 ч<асов> ночи он должен был получить 100 р<ублей>, что его устраивало, т<ак> к<ак> к предстоящим майским праздникам ему хотелось подновить свое обмундирование. Получал 107 р<ублей> стипендии, это был единственный способ заработать. 24-го апреля работа была закончена, и сын начал усиленно готовиться к предстоящей сессии. Но 29 апреля с арестом сына все оборвалось — вся затраченная энергия, все стремления, надежды — все рушилось по причине, нам неизвестной, но карающей, грозной. Утром 29-го апреля после ареста сына я, зная адрес Хавловского, отправилась к нему на квартиру, чтобы узнать адрес бригадира — Юрия Владимирова и получить

деньги, заработанные сыном (Владимиров как бригадир должен был сдать работу Комиссии Морского Военного Госпиталя и рассчитаться со своими подручными). К моему большому удивлению на дверях квартиры Хавловского висели печати. В домоуправлении мне сказали, что семья Хавловского: мать, отчим и он сам арестованы: отчим 26-го вне дома, 27-го студент Хавл<овский>, а в ночь с 28 на 29 апреля — мать Хавловского. Из этого я поняла, что мой сын Сергей арестован в связи с арестом этой семьи, тем более, что домоуправ сказал, что когда арестовали студента Хавл<овского>, мать его заявила, и домоуправ ее поддержал, что “Вацлав — парень тихий, трудолюбивый, и товарищи у него хорошие ребята, вот хотя бы живущий на Кировском пр<оспекте>”, и назвала наш адрес. Желая узнать адрес Владимирова (которого я никогда не видела и не знала), я поехала в Морск<ой> Воен<ный> Госп<италь> к Заведующему Хозяйством, т<ак> к<ак> мне казалось, что через него ведутся все дела по подрядам и расчетам, и он мне сообщил адрес Владимирова, дабы я могла получить от него деньги. Когда я рассказала Зав<едующему> Хоз<яйством>, что меня привело к нему, он мне ответил: “Владимиров арестован, на получку наложен арест, двое ребят Хитрово и Владимиров взяты на проверку за знакомство с “группкой”, и скоро будут отпущены, а “основоположники”, т<о> е<сть> мать, отчим и сын — посидят”, — это его подлинные слова. Дело было в мае, а сейчас середина августа, я каждую шестидневку бываю у особоуполномоченного НКВД или в прокуратуре, и ответ всегда один и тот же: “Следствие еще не закончено”. Обо всем этом я оповестила институт и комсомольскую ячейку. Они мне сказали, что по линии академической и по линии организации Сергей на лучшем счету, что для них все это также неожиданно, как и для меня, но Парт<ийный> коллектив на собрании, созванном по этому случаю, сказал, что до окончания следствия он предпринять ничего не может.

Прошло лето, скоро у товарищей начнутся занятия, они съедутся отдохнувшие, набравшись сил, а мой, без отдыха работавший 5 лет и так надеявшийся получить его этим летом, — сидит в заключении; учение его сорвано, и морально он убит и уничтожен, а вины за ним никакой. Товарищи говорят: “Мы в присутствии Сергея подтягивались: он не допускал никаких “анекдотиков”, никакой шутки”. То же я должна добавить и от себя, что и в самом тесном домашнем кругу все мероприятия правительства он разъяснял ясно, точно и логично и, конечно, никаких уклонов не допускал. А потому еще раз заверяю Вас, что обвинение его в принадлежности к контрреволюционной группе — чудовищно и никакой почвы под собой не имеет. Мы сейчас все прорабатываем проект Великой Сталинской Конституции, где столько заботы проявлено к человеку; к моему величайшему сожалению, ст<атья> 127, гласящая о неприкосновенности личности, еще не проведена в жизнь, да и опубликована уже после ареста моего сына, но несмотря на это прошу Вас, Екатерина Павловна, содействовать скорейшему окончанию следствия по этому делу и выяснению причастности моего сына к нему. Живу надеждой, что следственные органы власти точно разбираются во всем и невинного человека не осудят.

В. Хитрово

Адрес мой:

Ленинград 22, Кировский пр<оспект>, д<ом> № 45, кв. 8»³.

В октябре 1936 — Сергей Сергеевич Хитрово был приговорен к 5 ? годам ИТЛ и отправлен в лагерь⁴.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1535. С. 160-162.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1579. С. 55-58.

В ноябре 1936 — Вера Кирилловна Хитрово после осуждения сына за то, что «плохо смотрела за сыном», приговорена к высылке из Ленинграда в Оренбург на 5 лет⁵.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1579. С. 55-58.